23. РУКАВИЧКА.

Меня однажды рукавичка такъ сытно и хорошо, да такъ кстати накормила, что я, каждый разъ, когда бываю голоденъ, или когда приходится пообѣдать плохо, поминаю эту рукавичку.

Когда я еще служилъ въ полку, у меня былъ добрый и лихой товарищъ, Закроинъ, съ которымъ мы были очень дружны. Когда мнѣ пришлось уѣзжать, то онъ подарилъ мнѣ на дорогу пару вязанныхъ рукавичекъ, хорошей работы. Дѣло было зимой, и рукавички пошли со мной въ дорогу.

Пріѣхавъ на мѣсто, я не успѣлъ оглянуться, какъ мнѣ опять досталось ѣхать по службѣ въ иное мѣсто, и опять поѣхали со мною тѣ же рукавички. Въ пасмурный, сырой и холодный день, проголодавшись, какъ волкъ, пріѣзжаю я на станцію, часу въ четвертомъ; спрашиваю чего нибудь поѣсть и слышу, что, кромѣ самаго дурнаго хлѣба, нѣтъ вовсе ничего, ни даже пустыхъ щецъ.

Куда не весело на пути съ тощимъ брюхомъ! Однакожъ, нечего дѣлать, говорятъ, на слѣдующей станціи найдется что нибудь — надо ѣхать дальше.

Только–что я было тронулся съ мѣста, въ самом дурномъ расположеніи духа, какъ бѣжитъ за мною человѣкъ съ господскаго двора и торопливо распрашиваетъ, кто таковъ проѣзжій? Я остановился, а онъ ко мнѣ съ вопросомъ: не потерялъ–ли я рукавички? Я спохватился — точно, одной нѣтъ.

— Такъ, вы ее изволили обронить проѣздомъ у господскаго двора, сказалъ слуга, и барыня приказала узнать, отъ кого она вамъ досталась?

— Отъ одного офицера, отвѣчалъ я, отъ товарища, а что же вашей барынѣ до этого?

Слуга сказалъ на это, что мои рукавички были сработаны его барыней, для брата ея, что она ихъ узнала теперь, оставила у себя и прислала просить проѣзжаго офицера къ себѣ. Стало быть я попалъ, и самъ того не зная, въ помѣстье родителей Закроина. Отецъ его самъ между тѣмъ вышелъ,

надѣясь пригласить меня и узнать что нибудь о сынѣ; я не долго ломался, и меня угостили такимъ деревенскимъ обѣдомъ, что я его и теперь не могу забыть.

— Это не мудрено, подхватилъ другой собѣседникъ, потому что тебѣ хотѣлось ѣсть; а на голоднаго всякая приспѣшня впору. А вотъ я тебѣ разскажу, — къ слову пришлось — какъ рукавичка накормила польскаго гайдука, верзилу, который за каретой ѣздилъ у большихъ бояръ, и накормила такъ, что онъ ее всю съѣлъ и только облизался.

Знакомый мнѣ польскій панъ, который жилъ у себя дома по княжески, держалъ для щегольской прислуги нѣсколькихъ гайдуковъ, молодцовъ на подборъ, которые, одѣтые казаками, поочередно ѣздили съ нимъ на запяткахъ. Къ щегольской одеждѣ ихъ слѣдовали также оленьи замшевыя перчатки, съ пребольшими раструбами, почти до самаго локтя. Лѣтомъ, графъ ѣзжалъ почти каждый день изъ Варшавы въ подгородное помѣстье свое, гдѣ у него стояла усадьба, ровно дворецъ.

Прокатившись верстъ двадцать, на тряскихъ запяткахъ, гайдуки пріѣзжали въ загородный домъ всегда голодные, какъ волки, и каждый разъ, прибѣжавъ въ торопяхъ на кухню графскую, надоѣдали поварамъ неотвязчивыми просьбами: дать чего нибудь закусить. Бывало, хоть утромъ, хоть вечеромъ, хоть въ день, хоть въ ночь, когда–бы графъ ни пріѣхалъ, гайдуки тотчасъ бѣгутъ на кухню, здороваются съ поварами и не отстанутъ, пока не поставятъ имъ какое нибудь вчерашнее блюдо, которое и очищали до дна.

Вотъ и пріѣхалъ однажды графъ, и гайдукъ, по обычаю своему, пожелалъ повару добраго дня, счастливой встрѣчи, всякаго споспѣшенья и, похлопывая съ морозу своими замшевыми перчатками съ раструбами, спросилъ ласково: а что–же, закусочки будетъ?

— Подите пожалуста, отвѣчалъ поваръ въ хлопотахъ, не до васъ теперь; надо вотъ графу сейчасъ завтракъ отпускать.

— Пожалуста, сдѣлайте милость, окажите дружбу, продолжалъ тотъ, бросивъ

перчатку свою на столъ, я ужъ такъ на васъ надѣялся, какъ на каменную гору; въ городѣ не успѣлъ и закусить, такъ заторопили; а поѣмъ за ваше здоровье!

— Ладно, ладно, отвѣчалъ поваръ въ суетахъ, приходи черезъ полчаса, теперь ей–ей некогда.

Гайдукъ поблагодарилъ и вышелъ. Поваръ взглянулъ на замшевую перчатку гайдука и обрадовался случаю подшутить надъ нимъ: дай, отважу я его, чтобъ не докучалъ мнѣ этотъ обжора; взялъ перчатку съ раструбомъ, искрошилъ ее всю въ лапшу, сварилъ, облилъ масломъ и подливой съ разными барскими приправами и поставилъ вошедшему гайдуку.

— Вотъ тебѣ, сказалъ онъ, рубцы — ѣшь на здоровье.

Гайдукъ принялся и очистилъ все до послѣдней лапшинки и, подобравъ ложкой по краямъ всѣ остатки вкусной подливки, всталъ, поблагодарилъ, утерся и оглядываясь чего–то искалъ.

— Что, спросилъ поваръ, чего ищешь?

— Да я никакъ здѣсь у васъ перчатку свою оставилъ, а чай, ѣхать скоро — да не видать ее что–то.

— Какую перчатку? Большую–то?

— Да, вотъ пару къ этой, не маленькая, кажись, не иголочка, не завалится — а не видать!

— Чудакъ, сказалъ поваръ, да что–же ты ѣлъ?

— Какъ, что ѣлъ? Рубцы!

— Ну, да рубцы это она и есть: ты перчатку свою и съѣлъ, съ рубцами совсѣмъ, какъ была.

Гайдукъ разинулъ ротъ, выпучилъ глаза на повара, сталъ осматриваться кругомъ; но когда поваръ, захохотавъ, побожился, что тутъ оглядываться нечего, перчатки нѣтъ, а съѣдена она вся, до послѣдняго ремешка, то гайдукъ молча вышелъ, провожаемый общимъ смѣхомъ поваренковъ, и болѣе на барскую кухню завтракать не ходилъ.